
ДЕД МАЗАЙ И КУРИЦА

Зима. За окнами метель и сугробы, ветер подвывает... Судя по тому, как сразу поднимают воротники и кутаются в шарфы выходящие из ветеринарной клиники посетители, подмораживает прилично. Мой приемный день почти закончился, осталось буквально 30 минут. Холл клиники уже пуст, и вряд ли еще кто-нибудь придет. Ну и хорошо. День сегодня выдался непростой, я от души поработал, можно потихоньку собираться домой. С этими мыслями я уже начал закрывать ноутбук, и тут неожиданно хлопнула входная дверь. Кто-то громко обстукивал от снега обувь на коврик при входе в клинику, а затем мужской басовитый голос произнес: «Здравствуй, девица-красавица!» Голос явно принадлежал пожилому человеку, но звучал нараспев, сочно и красиво. Столь необычное и старомодное обращение, вероятно, было адресовано нашему администратору Светлане.

«И вам здравствуйте, дедушка! — явно подыграла посетителю Светлана. — Вы к кому пожаловали?»

— Я к вашему оХтальмологу. Глазнюку, который зверушек лечит.

— А что там было дохтур?
Ничего страшного,
просто ХИМАТОМА?

— Проходите дедушка, «ОХтальмолог» в седьмом кабинете принимает.

«Что за дедушка? С кем он ко мне пожаловал под самый занавес приема? Я же не записывал никого...» — пронеслись в моей голове мысли. В дверь моего кабинета постучали.

— Заходите, пожалуйста!

Дверь открылась.

— Здравствуйте, дохтур! Еле к вам добрался.

Да, такого колоритного посетителя у меня, наверное, никогда не было. Настоящий деревенский дед, прям по Некрасову: «В больших сапогах, в полушубке овчинном, в больших рукавицах...». На голове огромная меховая ушанка, а на ней целый сугроб снега. «Сейчас весь этот снег на пол потечет», — с грустью успел подумать я... Вдруг дедушка про-
бормотал:

— Вот я старый олух, снег с шапки забыл отряхнуть, — и пулей выскочил из кабинета.

Пока дедушка на улице тщательно отряхивал ушанку, я с осторожностью разглядывал ту поклажу, которую он аккуратно поставил на пол кабинета. Это была большая плетеная корзина, тщательно укутанная и перевязанная огромным пуховым платком. В корзине кто-то шевелился. Я осторожно дотронулся до корзины, и из нее донеслось сердитое кудахтанье... Курица?! Ошибки быть не могло — в корзине действительно сидела курица. Вот это сюрприз...

Дедушка вернулся в кабинет. Высокий, худощавый, с красным обветренным лицом и немного всклокоченной седой бородой. Лицо пересекало множество крупных и мелких морщинок, но немного выцветшие серовато-зеленые глаза смотрели на меня живо и весело.

— Как вас, дохтур, звать-величать?

— Семен Петрович. А вас, дедушка?

— Можно дед Мазай... — Увидев мое недоуменное лицо, дедушка серьезно уточнил: — Иван Иванович Мазай. Мы после войны с Белоруссии переехали, Мазай — это наша исконная родовая фамилия. Мы в Солотче проживаем. Оттуда к вам и добирался.

Я опешил:

— Так Солотча, это же километров 20 еще от Рязани... Это что же, вы оттуда ко мне ехали?

— Ну да. До Рязани на автобусе, потом на электричке до Казанского вокзала, потом на метро... Полшестого утра мы с Семеновной выехали, и вот к двум часам дня добрались, слава тебе господи. А как иначе-то...

Я не понял:

— А Семеновна-то ваша где? Вы ее что, на улице оставили?

Дед Мазай заулыбался:

— Так вот она, в корзинке сидит. Семеновна — это курица моя. У меня их с десяток, но Семеновна — лучшая несушка и умная — страсть. Ты не смотри, что птица. Я как по утру на двор выйду: корову подоить, навоз раскидать или ишо какие дела поделать, так Семеновна ходит за мной, что твоя собака. Такая умная птица, просто диву даюсь...

— И что случилось с Семеновной, Иван Иваныч?

— Да петух клюнул ее в глаз, будь он неладен... Петух-то хороший... И курочек топчет, и поутру меня будит, и даже собак пришлых отгоняет, но характер у него прескверный. Семеновна какую-то семечку из щели курятника выклевывала, а этот нехристь подлетел и как даст ей клювом... Я как раз в курятнике был, на моих глазах все и произошло. Семеновна прямо закричала... Как человек закричала, у меня аж сердце зашлось... Смотрю, у нее из глаза кровь течет... Она под насест забилась в темноту, а этот ходит, хвост расправил, кукарекает, довольный. Я прямо уж топор схватил, хотел этому гаду

сразу голову срубить и в суп... Но потом решил, надо сначала Семеновну спасти.

— Понял. А как вы ко мне-то попали, дед Мазай?

— Да я внучку своему позвонил в Рязань, он у меня грамотный, в интернетах разбирается. Он в этом самом интернете информацию нашел и говорит мне: «Так мол и так... Есть такой дохтур-охтальмолог для животных, он-то тебе и нужен. Езжай, говорит, дед в Москву. Там тебе помогут...» Адрес мне сказал, ну, я прямо на следующее утро Семеновну в охапку, в смысле в корзинку, и к вам.

— Да уж, история. Ладно, доставайте Семеновну, будем смотреть.

Дед Мазай осторожно развязал платок и бережно достал из корзины большую пестро-коричневую курицу. Он сел на стул, посадил птицу себе на колени и начал что-то ей нашептывать, нежно поглаживая шею и крылья. Курица немного потопталась, настороженно и беспокойно поквохтала, потом потерлась головой о грубую мозолистую дедову ладонь, доверительно прижалась к нему и замерла.

— Не бойся Семеновна, не бойся, дохтур хороший, он тебе поможет... Он тебя подлечит, он все поправит, мы еще с тобой цыпляток повысиживаем... — услышал я хриплый шепот деда Мазая.

К горлу подкатился комок, в носу противно защипало, я глотнул. Я совершенно не был готов к такой ситуации. Настоящее, глубокое, какое-то мистическое единение человека и курицы. Они попали в беду и обратились ко мне за помощью, уверенные, что я смогу помочь. Да, дед Мазай был абсолютно убежден, что «дохтур все поправит», но «дохтур» совсем не был в этом уверен.

— Ну, что, Семен Петрович, — пробормотал я, — бери себя в руки, и вперед.

Я надел налобный осветитель и взял в руки диагностическую линзу.

— Отец, поверните Семеновну мне другой стороной. Левый глаз здоровый, это понятно. Мне нужен правый, больной. Ага, разворачивайте птицу... Так... держите голову, только аккуратно... Чуть-чуть за клюв приподнимите... Да... дела, — вырвалось у меня.

— Что, дохтур, все плохо?

— Ну, не очень хорошо. Голова с правой стороны сильно повреждена, сильнейший отек, глаз закрыт. Перья кровью запачканы. Я пока ничего толком не вижу. Мне нужно все это отмыть и осторожно пропальпировать, в смысле пальцами пощупать. Семеновна потерпит? Я постараюсь осторожно...

— Потерпит, дохтур, потерпит. Мы, деревенские, ко всему привычные...

— Отлично, поехали.

Я набрал в лоток теплой воды, надел перчатки, взял ватные тампоны и марлевые салфетки. Потом начал медленно и осторожно смывать кровь, очищать веки и убирать прилипшие кусочки перьев. Семеновна плотно закрыла здоровый глаз и прижалась к деду Мазаю. Она сидела абсолютно неподвижно, как каменная, только иногда вздрагивала от тех прикосновений, которые, вероятно, были более болезненны. Затем я медленно и аккуратно начал прощупывать пальцами травмированные участки, стараясь определить степень повреждения тканей и их границы.

— Так, Иван Иванович, у меня для вас две новости. Первая хорошая — глазное яблоко, скорее всего, цело. Клюв ударил над бровью и в сам глаз не попал. Вторая... вторая... Короче, надо Семеновну оперировать, и прямо сейчас. У нее над глазом огромная опухоль. Это абсцесс с гноем и кровью, вероятно, часть мышц также разрушена. Надо все это вскрывать, иначе начнется сепсис, и птица погибнет. Не знаю, будет ли видеть глаз. Может быть, и нет... Но других вариантов я не вижу.

— Дохтур, скажите, а там у нее Х-И-М-А-Т-О-М-Ы, — дедушка старательно выговаривал каждую букву, — случаем, нет?

Признаться, я был сильно удивлен, услышав такое необычное слово из уст деда Мазая, но виду не подал.

— Да, дедушка, и гематома там есть... А что, это вам что-то объясняет?

Дед Мазай облегченно выдохнул и, кажется, впервые за весь прием улыбнулся:

— Ну, слава богу! Значит, все будет хорошо. Я по молодости в соседнюю деревню на свиданку бегал... Так меня местные хлопцы однажды поймали и так отбучкали, прости господи, что еле живым вернулся. Мне кто-то дрыном по харе, простите, дохтур, по лицу попал... У меня глаз закрылся, вокруг шишка огромная красно-синяя, я на этот глаз и ослеп сразу. А в местной больнице хирург, уважаемый такой человек, так и сказал: «Ваня, не бойсь, это просто ХИМАТОМА». Вскрыл ее скальпелем, так, вж-ж-ж-и-и-к, и все нормально. Глаз открылся, и я опять вижу. И уже лет 60, как вижу...

Дед Мазай опять улыбнулся:

— Делайте, дохтур, все, что нужно. ХИМАТОМА — это хорошо. Я теперь не волнуюсь.

Ладно, подумал я, позитивный настрой клиента — это уже неплохо. Теперь надо и мне не подкачать. Так, во-первых, мне нужен ассистент.

Я выглянул за дверь:

— Света! Поможешь мне с курицей? — позвал я администратора.

— Будем курицу оперировать? Конечно, помогу. Сейчас, только аптеку закрою.

Хорошо, ассистент у меня есть. Теперь вопрос номер два: как обезболить Семеновну? Под местной анестезией,

наверное, не получится. Обколоть новокаином место поражения я не смогу, птице будет очень больно, да и перья мешают. Делать наркоз? Курице? Задача весьма нетривиальная. Может возникнуть множество проблем. Курица — это вам не собака, не кошка и даже не попугайчик. Анестезиологический риск никто не отменял. Ладно. Надо начинать, а там разберемся.

Я быстро достал и разложил на передвижном столике необходимые инструменты. Набрал в разные шприцы антибиотик, антисептический раствор и новокаин. Так... вскрываем стерильные салфетки... Еще на всякий случай иглодержатель... Теперь шовный материал, пластырь, глазные капли... Вроде все.

— Отец, — обратился к деду Мазая, — у вас будет важная задача. Сидите ровно и держите Семеновну, только сильно не сжимайте ее. И... лучше не смотрите. Просто закройте глаза и подремите. Ну, как будто... подремите. Мне важно, чтобы вы не нервничали. Все-таки вы человек немолодой, уж простите меня за прямоту.

— Понял, дохтур. Не беспокойтесь. Мы с Семеновной вам полностью доверяем.

— Отлично. Так, Светлана, начинаем. Отрежь кусочек пластыря, сантиметра четыре. Мы Семеновне на всякий случай клюв заклеим, чтобы не клюнула. Ага... давай его сюда. Так, держи голову, я заклею клюв. Нет, Света, не так... Ладно, делаем наоборот. Я держу голову, а ты аккуратно заклеиваешь клюв — только самый кончик, главное, ноздри не заклей! Ага... хорошо... молодец.

— Семен Петрович, — зашептала мне на ухо Светлана, — а вы всегда так куриц оперируете?

— Отец,
поверните
Семеновну
мне другой
стороной.

— Света, — прошипел я вкрадчиво, — я первый раз в жизни курицу оперирую. Курицы гриль не в счет. Все, больше никаких вопросов.

Я уже вошел в «операционный транс». Ничего вокруг, кроме меня и Семеновны, не существовало. Мысли пробегали быстро: «Так, в любом случае мне нужно попытаться обезболить поврежденные ткани сверху. У меня есть хороший местный анестетик в каплях для внутриглазных операций. Он дает анестезию минут на 20. На коже у курицы есть раны и царапины. Анестетик туда попадет, и местная кожная чувствительность снизится. Тогда я, возможно, смогу обколоть поврежденный участок новокаином».

— Так, Света, бери флакончик с каплями... Да, этот желтый... Сначала обезболим глаз — капай прямо на закрытые веки. Давай, капай... Три капли прямо на веки. Я считаю капли: раз... два... три...

Тут Семеновна, вероятно, почувствовала падение на глаз тяжелых холодных капель препарата. Она вдруг резко повернула голову, и капли легко и быстро стекли по боковой поверхности головы прямо на ноздри. Курица глубоко вздохнула и... всосала в нос все три капли препарата. Я замер. Три капли глазного хирургического анестетика в нос курицы... это много или мало? Это хорошо или плохо... и что будет дальше? Уверен, что такого эксперимента никто никогда не делал и если сейчас...

Тут Семеновна несколько раз глубоко вздохнула, как-то сонно забормотала и закудаhtала. Потом немного повозилась, а дыхание стало заметно более редким и глубоким. Затем мышцы ее шеи расслабились, и голова стала медленно клониться на бок.

— Да она же засыпает, прямо на ходу засыпает, — зашептала Света. — Просто обалдеть...

Но я не слушал Светлану, я уже действовал. Быстро выщипал перья по всему поврежденному участку.

Продезинфицировал кожу, пропальпировал и нашел самое тонкое место и вскрыл полость абсцесса... «Ничего себе, сколько гноя... Петух, видимо, клюв не моет... Так и ходит с грязным клювом и разносит бактериальную инфекцию, как Комодский варан». В голове отвлеченно проносились дурацкие мысли, которые, впрочем, совершенно не мешали моей работе. Расширил разрез, очистил полость от гноя и крови, тщательно удалил остатки поврежденных тканей. Затем обильно промыл рану антисептиком и наложил на края разреза несколько швов, оставив промежуток посередине незашитым. Ввел антибиотик в зашитую полость. Осторожно приоткрыл курице веки. Да, глазное яблоко цело... Однако глаз закатился и закрыт мигательной перепонкой, поскольку Семеновна продолжала дрыхнуть... Курица-курицей, а анестетик занюхала, как заправский наркоман... Кому рассказать — не поверят... Ну и ладно. Главное, что операция прошла хорошо.

— Семен Петрович, — шепотом сказала Светлана, — дед Мазай спит вместе с курицей, посмотрите.

Я посмотрел на деда Мазая. Он действительно мирно дремал, сидя на стуле и склонив голову на бок, при этом продолжая бережно удерживать на руках спящую птицу. Вот это да, подумал я. Вот это и называется: родственные души... Даже заснули вместе.

— Иван Иванович, — потряс я дедушку за плечо, — просыпайтесь, операция закончена. Все хорошо!

Дед Мазай вздрогнул и открыл глаза. Курица у него на руках тут же встрепенулась, подняла голову и начала перетаптываться. Потом повернулась ко мне правой стороной. Я увидел широко открытый, яркий и блестящий янтарно-коричневый глаз с черной бусинкой зрачка. Глаз внимательно следил за мной...

— Ох, сынок, ну я и взаправду вздремнул. Закрыв глаза, и прямо таки отключило меня. Ну что там, у Семеновны?

А то я вблизи без очков и не вижу... Глаз-то цел? Все хорошо?

— Все хорошо, Иван Иванович. И Семеновна в порядке, и глаз цел. Думаю, что глаз будет нормально видеть.

— А что там было дохтур? Ничего страшного, просто ХИМАТОМА?

Я бросил взгляд на мусорное ведро, полное салфеток со сгустками гноя и фрагментами разрушенных тканей. Рядом на столике лежали грязные инструменты, пустые шприцы и остатки шовного материала.

— Да, дедушка, это была просто ХИМАТОМА.

ПРОЛОГ

Многие пациенты спрашивают меня: «Вы стали ветеринарным врачом, потому что животных любите?» Я всегда отвечаю: «И да, и нет» — и это абсолютно честно. Я действительно люблю животных, причем люблю всех. Хвостатых и зубастых, пернатых и копытных, домашних и диких. Люблю даже тех, кого видел только по телевизору, и вряд ли смогу встретить в своей практике. Но при выборе профессии врача мною двигала не любовь к братьям нашим меньшим, а стремление и желание помогать, лечить и спасать. Мне всегда казалось, что это самое нужное, самое сложное и самое благородное дело на земле. Я очень хотел стать «человеческим врачом»... Но тогда, в 90-е годы, это стоило безумных денег или требовало колоссальных связей. У меня не было ни того, ни другого... Оставался единственный выход — стать ветеринарным врачом, чтобы помогать, спасать и лечить животных. Поэтому любовь к животным и любовь к профессии врача — это не совсем одно и то же, хотя одно без другого...

В общем, что-то мы отвлеклись от темы... Как говорится, о чем это я...

НАЙТИ МОТИВАЦИЮ

14

Константин Перепечев

Иногда, оглядываясь в прошлое, ты никак не можешь найти ответа на вопрос, почему когда-то давно ты поступил именно так, а не иначе. И если твой поступок потянул за собой цепочку событий, завершившихся печальным результатом, ты мучаешь и истязаеть себя, упрекая в неверном решении. Зачем я так сделал, почему я так поступил, ведь я же понимал, осознавал, не хотел... так почему же, почему, почему...

Но бывает и по-другому. Ты понимаешь, что выбранный тобою путь оказался не самым простым и гладким. Вполне возможно, что и другое направление было бы как минимум не хуже. Однако ты полностью уверен, что тогда в прошлом, принятое тобою решение было единственно возможным.

Часть 1. Тренерский совет

Этот день оказался очень длинным и чрезвычайно богатым на события. Закончив тренировку, я вышел из раздевалки, закинув на плечо спортивную сумку.

— Семен, стой, — окликнул меня тренер, — я сегодня на машине, подкинуть тебя до метро?

Толкаться в жарком переполненном автобусе или хотя бы на 15 минут комфортно расслабиться в мягком автомобильном кресле, давая отдых болящим мышцам и ноющим связкам? В общем, меня не пришлось спрашивать дважды...

Новенькая темно-синяя «шестерка» (автомобиль «ВАЗ-2106») неторопливо несла нас по Большой Академической. Машину тренер купил совсем недавно, и чувствовалось, что это его первый автомобиль. На стоянке он закрывал авто брезентовым чехлом, сдувал с него каждую пылинку и ездил медленно и осторожно, аккуратно объезжая все лужи и выбоины.

— Слушай, Семен, а ты в каком институте учишься? — спросил тренер.

— В ветеринарной академии, второй курс...

— А чего тогда санитаром не работаешь, устроился бы в какую-нибудь клинику... Сначала, конечно, полы будешь мыть... Потом навыков поднаберешься, знакомства заведешь, будешь постепенно учиться, двигаться вперед и станешь ветеринарным врачом...

— Да как сказать, дядя Володя... — Я задумался. — У меня в принципе работа уже есть. Я профессионально занимаюсь дрессировкой, работаю в кинологической службе на авторынке. У меня хорошо получается, да и платят прилично (шел 1995 год, я зарабатывал в месяц около 1000 долларов, что по тем меркам было весьма неплохой зарплатой для молодого человека).

— Погоди, Семен, — возразил тренер, — но ты же в институт поступал, чтобы профессию получить... Я, конечно, слышал, что ты неплохой инструктор, но, извини, чтобы с собаками бегать, высшее образование не нужно...

— Не знаю, дядя Володя... В институте нас практике не учат, а знакомых в ветеринарии у меня нет... А тут и деньги платят, и перспектива вроде есть. Может, и не нужна она мне, эта ветеринария...

— Дам я тебе совет, Семен. Все же я постарше тебя, да и жизненный опыт у меня побольше... Деньги — это, конечно, хорошо, но специальность — это совсем другое. Если будешь врачом, в любое время в любом месте пригодишься. Врач, дорогой мой, это настоящая профессия. А собак дрессировать ты хоть